

Р. Ш. Насибуллин
 Удмуртский государственный университет
 ул. Университетская 1, 426004 Ижевск, Россия
 email: idnakar@idnakar.ru

‘БОЖЬЯ КОРОВКА’ В УДМУРТСКИХ ГОВОРАХ: ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА И КОММЕНТАРИЙ

Божьи коровки (*Coccinellidae*) — весьма широко распространённое и обширное семейство отряда жесткокрылых (жуков). Небольшие по размеру, они в большинстве своём примечательны яркой предупреждающей окраской и пятнистым тёмным узором надкрыльев (отчасти сходным с тёмными пятнами на шкуре коровы, что, видимо, и отразилось в русском наименовании вида), а также сильно выпуклой, почти полусферической формой тела. Известно около 5000 видов божьих коровок, которые распространены по всем континентам, причём только на территории бывшего СССР обитает более двухсот видов. На территории проживания современных удмуртов божьей коровкой именуют чаще всего очень красивую по окрасу (красные надкрылья с чёрными пятнами) божью коровку семиточечную (*Coccinella septempunctata*).

Длительное время удмуртская лексикография не фиксировала название божьей коровки — даже в таких основательных источниках, как словари Берната Мункачи и Юрьё Вихманна [Munk., Wichm.], оно отсутствует.

Впервые название этого насекомого обнаруживается в словарях Григория Верещагина: в 1892 году он фиксирует три известных ему названия: *лобы*, *зород кэ лоб* и *какы* [Верещагин 2006: 150, 99, 111].

В словаре Трофима Борисова [Борисов 1932: 107] приведено пять наименований этой букашки: *зорпапа*, *зоркибылы*, *зоронлобы*, *лобы* с пометой «ср.» (срединный диалект), и *зоротлоот* с пометой «бес.» (бесермянский диалект), причём бесермянская форма, видимо, представляет собой артефакт, возникший в результате опечатки (**зоротлобот* > *зоротлоот*). Похожее слово (*зорот-лобот*) при подготовке Диалектологического атласа удмуртского языка (ДАУЯ) было зафиксировано в опорном пункте 2 (с. Светозарево), испытавшем достаточно сильное влияние со стороны бесермян. Словарь неизвестного автора, изданный, по-видимому, позже словаря Борисова¹, содержит два названия божьей коровки: *зоры-лобы* и *лобы* [УРС: 76, 126].

Составители удмуртско-русского словаря 1948 года ограничились единственным названием *зор кибы* [УРС 1948: 100]. В русско-удмуртском словаре 1956 года название божьей коровки переведено тремя диалектными дублетами: *зор какы*, *зор кибы*, *зор папа* [РУС 1956: 57]. Как видим, данные этих словарей не со-

держат ни одного из слов, приведённых у Верещагина и Борисова, что, возможно, следует объяснять табуированностью работ этих двух исследователей по политическим причинам (первый был священником, а второй был репрессирован).

В удмуртско-русском словаре 1983 года даны следующие названия божьей коровки: *зоркакы, зоркибы, зородки-лободки, лобы* [УРС 1983: 154,258].

Исследователь детского фольклора Лидия Долганова приводит одиннадцать ранее неизвестных названий: *какы-мамы, папи, тйри-папи, наталля* (у Долгановой — *Наталля*), *лобы-лобы, зороно ке лобоно, зороно папа, зорода-лобода, бабка-коробка, зородки-бородки, брум-брум борозда* [УдмФолькл. 1981: 11]. Из их числа названия *какы-мамы* и *брум-брум борозда* в опорных пунктах ДАУЯ не обнаружены. В опорном пункте 137 (Кузебаево) было найдено название *лоб-лоб натал'л'а* 'лети, лети, Наталья' (информацию Долгановой об употреблении названия из одного слова *наталля* на материалах ДАУЯ подтвердить не удалось).

Авторы словаря биологических терминов [БиолКБ] Серафим Соколов и Виктор Туганаев приводят уже тринадцать названий божьей коровки: *зоркакы, зоркибы, зорпапа, зородки, зородки-лободки, зоронлобы, зорлобы, чужанайпапа, лобы, чужпапа, куазьзортйсь, шундымумы, зоронокелобоно*. Среди них есть три названия божьей коровки, которые не были обнаружены в опорных пунктах ДАУЯ. Это *зоронлобы, куазьзортйсь, шундымумы* [БиолКБ: 65].

К сожалению, ни Долганова, ни авторы биологического словаря не отметили мест фиксации названий приведённых ими названий.

Вопрос для сбора материалов о названиях божьей коровки (*coccinella*) включён в ряд национальных, региональных и международных атласов, в их числе в Общеславянский лингвистический атлас (вопрос № 112 [Вопросник ОЛА 1965: 81], Общекарпатский диалектологический атлас, вопрос № 531 [ОДА. Вопросник 1981: 80] и Лингвистический атлас Европы, вопрос № 126 [ЛАЕ, Первый вопросник 1976: 33], однако известный удмуртский диалектолог Тамара Тепляшина [1966а: 66–68] в свой вопросник вопрос о божьей коровке не включила.

Толчком к сбору материалов об удмуртских наименованиях божьей коровки послужило участие автора этой статьи в составлении Лингвистического атласа Европы (ЛАЕ).

При сборе удмуртских материалов из 21 опорного пункта для ЛАЕ автором этой статьи найдено 28 названий божьей коровки. Такое большое число наименований весьма удивительно, потому что даже в соседящих с удмуртским языках, в татарском и башкирском, имеется всего одно название. В противоположность этому каждый удмуртский опорный пункт имел своё собственное название божьей коровки, а некоторые — по два и по три. Исходя из этого, было решено вопрос о божьей коровке непременно включить в вопросник Диалектологического атласа удмуртского языка, тем более, что собранные для ЛАЕ данные оказались крайне необычными и по количеству, и с точки зрения принципов номинации.

В числе названий, обнаруженных в опорных пунктах ЛАЕ, имеются некоторые формы, весьма загадочные именно с точки зрения принципов номинации (составляющие их лексические компоненты сами по себе вполне понятны). Почему, например, в некоторых местах удмурты использовали для названия божьей коровки слова *чужанай* 'бабушка по матери', *вйын н'ан'* 'хлеб с маслом' (!), *вйын н'ан' с'отис'* 'дающий хлеб с маслом' и другие подобные этому?

Позже, при всестороннем исследовании, удалось найти ответы на эти и на другие вопросы. Особенно полезными для этого оказались материалы детского фольклора, в частности, детские песенки – обращения к божьим коровкам.

При сборе полевых материалов по названиям божьей коровки сотрудники лаборатории лингвистики Удмуртского государственного университета установили, что, во-первых, удмурты повсюду хорошо знают это насекомое; во-вторых, не различают в наименованиях различные виды божьих коровок; в-третьих, везде проявляют очень уважительное к ним отношение и знают о том, что они приносят пользу как истребители тлей.

подавляющее большинство удмуртских названий божьей коровки связано с представлением о том, что если она по просьбе (ребёнка) улетает, то это к дождю. Почти повсеместно фиксируются детские песенки с обращением к божьей коровке в форме «улети и принеси дождь». К примеру, в д. Оросово Балезинского района Удмуртской Республики зафиксирован следующий вариант такой песенки: «Зороно папа, зорода-а, лобод-а? // Дйсед-кутэд кенер вылын, // Мумид-айид кыз йылын, // Зорид ке — лобы, // Уд ке — эн» 'Божья коровка, вызовешь ли дождь, полетишь ли? // Твоя одежда на заборе, // Родители — на ёлке, // Быть дождю — улети, // Если нет — не улетай' [УдмФолькл. 1981: 36–37].

Одно из названий этой букашки так и звучит: *зороно-кэ-лоп-папа*, буквально это можно перевести как 'букашка, если к дождю, то полети'. Слово *папа* 'букашка, жучок, летающее насекомое; (мелкая) птица' употреблено здесь в функции определяемого слова, а *зороно кэ лоп* (орф. *лоб*) является определением к слову *папа* и представляет из себя сложное предложение, в котором *зороно кэ* — условное придаточное предложение и переводится как 'если пойдёт дождь', а *лоб* 'полети' — главное предложение, представляющее из себя усеченную форму глагола повелительного наклонения от *лобыны* (полная форма — *лобы*).

Удмуртские названия божьей коровки бывают односоставными и сложными. Нам представляется, что более длинные наименования, состоящие из нескольких слов, являются наиболее архаичными вариантами, а состоящие из одного слова — более поздними. Односоставные названия сложились в результате выпадения отдельных слов, в первую очередь определяемых слов из словосочетания. Например, в названии *зород-а-лобод-а-папа* компонент *зород-а-лобод-а-* — атрибутивное словосочетание, *папа* — определяемое слово.

В составе простых и составных названий встречаются обыденные слова, которые известны удмуртам с детства: *анай* 'мать', *мамы* (< *мама*) 'мать', *чужанай* 'бабушка (мать матери)', *баба* 'бабушка (мать отца)', *бабай* 'дедушка, старик' (у южных удмуртов), *шунды* 'солнце', *зор* 'дождь', *куаз'* 'погода', *иммар* (< *инмар*) 'бог', *зорыны* 'идти (о дожде), дождить', *лобыны* 'лететь, улететь', *лобзыны* 'взлететь, улететь', *с'отыны* 'дать', *вайыны* 'принести', *н'ан'* 'хлеб', *табан'* 'блины', *вöй* 'масло (сливочное)', *чэчэ* (< *чэчы*) 'мёд', *горд* 'красный', *чуж* 'жёлтый', *кибы* 'букашка, жучок', *какы* 'букашка', *папа* 'летающее насекомое', *скал* 'корова' и др. Среди этих слов *баба* 'бабушка', *бабай* 'дедушка', *папа* 'букашка, жучок', *какы* 'букашка' имеют узкое распространение, а остальные слова понятны носителям всех удмуртских диалектов. Большинство слов, перечисленных выше, вступают при образовании названий божьей коровки в различные комбинации между собой.

Исходный тип названий божьей коровки представлен ныне группой из следующих четырёх конструкций: 1) *зороно-кэ-лоп-папа* (орф. *зороно кэ лоб, папа*), 2) *зород-кэ-лоб-папа* (орф. *зород ке, лоб, папа*), 3) *зород-а-лобод-а-папа* (орф. *зород-а,*

лобод-а, папа), 4) лобзѣы-лобзѣы-папа (орф. лобзѣы, лобзѣы, папа). Здесь атрибутивные слова представляют из себя целые предложения. В большинстве названий божьей коровки, глаголы *зорыны* и *лобыны* вступают в атрибутивную связь со словами *папа*, *какы*, *кибы*, *кибыл'и* 'букашка, жучок'. В каждом из этих цепей названий происходит постепенное упрощение в результате выпадения и утраты отдельных слов, вплоть до единичного слова. Теперь попытаемся представить этот процесс упрощения для каждого типа этих конструкций по отдельности.

В первом типе названий глагол *зорыны* представлен в форме причастия будущего времени, а глагол *лобыны* 'лететь' — в форме повелительного наклонения, а иногда в форме причастия будущего времени. Самый полный вариант имеет вид *зорано-кэ-лоп-папа* (орф. *зорано ке, лоб, папа* 'если [погода] к дождю, [ты], букашка, полети'). За ним идут следующие формы: *зорано-кэ-турло-лоб* 'если [погода] к дождю, полети с гудением' > *зорано-кэ-лобоно* 'если [погода] к дождю, то следует лететь' (*лобоно* — причастие будущего времени от глагола *лобыны*) > *зорано-кэ-лоб* 'если [погода] к дождю, то полети' > *зорано-кэ-кибы* 'жучок, если к дождю' > *зорано-лобоно* 'к дождю — к полёту' > *зорано-бороно* (здесь *бороно* — окказиональная дублетная форма к *зорано*) > *зорано-кибы* 'к дождю — к полёту' > *зорано-киби* 'жучок к дождю' > *зѳорано-кибы* > *зорано-папа* 'букашка к дождю' > *зорано-кѳкы* 'жучок к дождю' > *зорано* 'к дождю' > *зоранок* 'к дождю' (снабжѳен ласкательным аффиксом *-ок*) > *куаз'-зорон-кибы* 'жучок, приводящий погоду к дождю' > *куаз'-зорон-кибил'и* 'букашка, приводящая погоду к дождю' > *куаз'-зор* букв. 'погода-дождь'.

Второй тип представлен названиями, в которых глаголы *зорыны* и *лобыны* составляют сложноподчинѳенное предложение с придаточным условным предложением, причѳем придаточное предложение составлено при участии глагола *зорыны* в форме второго лица будущего времени, а глагол *лобыны* имеет форму повелительного или изъявительного наклонения. Эта цепь названий выглядит следующим образом: *зорот-кэ-лобод-папа* 'если будешь дождить, то полетишь, букашка' > *зорот-кэ-лобат-кэ* 'если дождишь, если полетишь' > *зѳрот-кэ-лѳбзѣы* 'если будешь дождить, то полети' > *зоротки-лоботки* > *зѳротки-лободки* > *зоротки-болотки* > *золотка-лоботка* > *золотка-оботка* > *зороткэ-кэ-зоры* > *зѳрод-кэ-ут* (< *уд*)-*кэ* 'дождишь, не дождишь' > *зѳротки-утки* > *зоротки*. В этой цепи, начиная с названия *зоротки-лоботки*, происходит следующая метаморфоза: наличие звука *к* в составе союза условно-придаточного предложения *ке* (*зород-кэ*) приводит к переосмыслению его целиком в функции ласкательного суффикса *-ки* при именах существительных, который в говорах северного наречия является довольно продуктивным, ср. напр., *пересь кокорги* (< *пересь кокорки*) — эпитет старого, дряхлого человека, ср. *кокора* 'эпитет для тощего человека' < рус. *старая кокора* 'бранное обращение к старому человеку' [СРНГ 1978: 95]; женское имя *Сандырги* (< *Сандырга* < *Сандырка* < *Сандыра*) 'Александра'. Ласкательный суффикс *-ки* в этих говорах может присоединиться также и к некоторым словам подзыва домашних животных, напр.: *мас'ки-мас'ки* (< *мас'-мас'*) — слова подзыва ягнят, *рус'ки-рус'ки-рус'ки* (< *рус'-рус'-рус'*). Суффикс *-ки* в говорах северного наречия сформировался путѳем контаминации двух ласкательных суффиксов: русского *-ка* и удмуртского *-и*. Названия божьей коровки типа *зоротки-лоботки* их носителями воспринимаются как ласкательные формы, а не как формы множественного числа.

Третий тип названий в полной форме выглядит как *зород-а-лобод-а-папа* 'дождѳем ли польѳеешься, улетишь ли, букашка'. Формально *зород-а-лобод-а-* выступает в качестве определения к слову *папа*. В атрибутивной части слова *зород*

и *лобод* представляют из себя форму будущего времени глаголов *зорыны* 'идти (о дожде), дождить' и *лобыны* 'лететь, улететь', снабжённых вопросительной частицей *-а*, которая соответствует русскому *ли*. Слова *зород-а-лобод-а* (*зород-а, лобод-а*), являясь однородными сказуемыми в составе простого предложения, представляют из себя целое предложение. В названии *зород-а-лобод-а-папа* (орф. *зород-а, лобод-а, папа*) 'дождишь ли, полетишь ли, букашка' слово *папа* первоначально, по-видимому, употреблялось в функции обращения. Именно это слово и выпало из цепи прежде всего; затем постепенно подверглось изменению атрибутивное словосочетание *зород-а-лобод-а*. Исходная форма *зород-а-лобод-а-папа* прошла следующие этапы упрощения: *зород-а-лобод-а-папа* > *зород-а-лобод-а* 'дождишь ли, полетишь ли' > *зород-а-бород-а* (*бород-а* — окказиональная дублетная форма к *зород-а*) > *зöрод-а-уд-а* 'дождишь ли, нет ли' > *зöрод-л'э-уд-л'э* > *зöрод-д'э-уд-л'э* > *зöрод-лöбод* 'дождишь — полетишь' > *зород-папа* 'будешь дождить, букашка' > *зор папа* 'дождевая букашка' > *зород-а* 'будешь ли дождить'. В наименовании *зöрод-л'э-уд-л'э* исконная вопросительная частица *-а* заменена частицей *л'э* (< рус. *ли*). В наименованиях *зöрод-а-уд-а* > *зöрод-л'э-уд-л'э* > *зöрод-д'э-уд-д'э* вместо *лобод* обнаруживаем отрицательный глагол 2-го лица *уд*.

Названия **четвёртого типа** восходят к форме *лобзы-лобзы-папа* (орф. *лобзы, лобзы, папа*). В этой конструкции глагол *лобзыны* представлен в форме повелительного наклонения единственного числа без глагола *зорыны*. В этом ряду представлены следующие названия божьей коровки: *лобзы-лобзы-папа* 'лети, лети, букашка' > *лоб-лоб-папа* 'лети, лети, букашка' > *лоб-лоб-натал'л'а* 'лети, лети, Наталья' > *лобит-кэ-лобы* 'если хочешь — полети' > *лобы-папа* 'полети, букашка' > *лобы-папи* > *лоп-папа* > *лоп-папи* > *лоп-папа* > *лобзы-папа* > *лобзы-папи* (значение везде то же самое) > *лобзы-бабу* 'улетай, бабушка' > *лобы-лобы* 'улетай, улетай' или даже *лымы-бобы* (*лобы* 'улетай' > *лымы* 'снег'; *бобы* — бессмысленное слово, возникшее либо как окказиональная дублетная форма к *лобы*, либо же это искажённое *бабу* 'бабушка').

С участием причастия настоящего времени *зорон* (от глагола *зорыны*) образовано несколько названий божьей коровки без глагола *лобыны*: *зорон папа, зорон кибы* и *зоронок*. Первые два наименования (*зорон папа, зорон кибы*) имеют значения 'дождящая букашка'. Название *зоронок* образовано путём присоединения ласкательного суффикса *-ок* к *зорон* 'предстоит дождь'. Одно из удмуртских названий *куаз' зор* означает '(идуший) дождь', букв. 'погодный дождь'. Вариант *куаз'-зортис'* (орф. *куазь зортйсь*) 'тот, кто вызывает дождь' приведён в словаре биологических терминов [БиолКБ: 65], но в опорных пунктах ДАУЯ не встречается.

В варианте *зорыс'-папа* (в формах литературного языка — *зорись папа*) атрибутивное слово *зорыс'* представляет из себя причастие настоящего времени от глагола *зорыны*, *зорыс'-папа* буквально означает 'букашка, которая дождит' или 'дождящее насекомое'.

Другую большую группу составляют названия, в которых в качестве атрибутивного слова использовано *зор* 'дождевой', а в качестве определяемого слова выступают слова со значением 'букашка, жучок' — *кибы, киби, гиби, каки, папа: зор кибы, зор киби, зор гиби, зор каки, зор папа, зор папи, зор чибин'* (*чибин'* 'комар'), *зöр папа*. В двух названиях (*зор анай, зор бабай*) вместо слов *кибы, папа* использованы слова *анай* 'мать' и *бабай* 'дедушка, старик'.

Особняком стоит название *зор вайон* ‘принесение дождя’ (*вайон* < *вайыны* ‘принести’). Вариант *зор вайон* наверняка прежде сопровождался определяемым словом *кибы* или *папа*: *зор вайон кибы* ‘приносящая дождь букашка’.

В названиях *зоро кибы* и *зоро лобы* атрибутивное слово *зоро* представляет из себя прилагательное со значением ‘дождливый’, образованное от существительного *зор* ‘дождь’ при помощи суффикса *-о*. Атрибутивные словосочетания *зоро кибы* и *зоро лобы* буквально обозначают ‘букашка с дождём, дождливая букашка’.

Название *зобы*, кажется, представляет собой контаминацию первого слога слова *зоры* и конца слова *лобы*.

Термины родства — *анай* ‘мать’, *баба*, *бабу* ‘бабушка (мать отца)’, *чужанай* ‘бабушка (мать матери)’, *бабай* ‘дедушка’ (< тат. *бабай* ‘тж’) — встречаются в следующих названиях: *зор-анай* ‘мать дождя’, *куккы-бабы* ‘букашка-баба’, *кибы-бабы* ‘тж’, *какы-баба* ‘тж’, *зор-бабай* ‘дедушка дождь’, *чужанай-папа* ‘букашка бабушка’.

В составе названий содержится даже собственное имя: *лоб-лоб-натал'л'а* (орф. *лоб*, *лоб*, *Наталля*) ‘лети, лети, Наталья’ (д. Муважи, Алнашский р-н, 137) Наименование *шунды-мумы* ‘мать-солнце’, приведенное в словаре биологических терминов [БиолКБ: 52], в опорных пунктах ДАУЯ не выявлено. Вариант *шунды-мумы* скорее всего назван информантами составителей словаря ошибочно: обычно словосочетание *шунды мумы* встречается в песенках, обращенных к солнцу и дождю:

Шунды мумы, лыкты,
Пилем агай, кошки.

‘Матушка солнце, приди,
Дядя облако, уйди’.

(д. Брызгалово Вавожского р-на) [УдмФолькл. 1981: 33].

С первого взгляда довольно-таки загадочными являются названия, которые образованы с использованием слов *чужанай* (~ *чужанай* ~ *т'ужанай*) ‘бабушка (со стороны матери)’ и *вёйын н'ан'* ‘хлеб с маслом’ (*вёй* ‘масло’, *н'ан'* ‘(печёный) хлеб’). Эти названия связаны с детскими песенками — обращениями к божьей коровке типа: *зор*, *зор*, *зорыйэ*, *лобийэ*, *лобид кэ*, *тыныд чужанай вёйын н'ан' с'отоз* ‘дожди, дожди, мой дождичек, моя божья коровка, если ты полетишь, бабушка тебе даст хлеб с маслом’. Названия *чужанай* ‘бабушка (со стороны матери)’ и *вёйын н'ан'* ‘хлеб с маслом’ как раз и возникли по мотивам подобных песенок-обращений. С использованием словосочетания *вёйын н'ан'* созданы такие названия: *вёй н'ан' папа*, *вёйын н'ан' папа* ‘букашка с хлебом и маслом’, *вёйын н'ан' с'иис'* ‘кушающий хлеб с маслом’, *вёйын н'ан' с'отис'* ‘дающий хлеб с маслом’ (*с'отис'* ‘дающий’, причастие от глагола *с'отыны* ‘дать’). В последнем названии тоже речь идёт о *чужанай*, которая даёт ребёнку хлеб с маслом, щедра на подарки. Зафиксировано также название букашки *чэчэ* (< *чэчы*) *н'ан'* ‘медовый хлеб’, т.е. хлеб с мёдом. В трёх случаях вместо *н'ан'* употреблено слово *табан'* ‘табани (лепёшки)’: *вёй табан'*, *вёйын табан'* ‘табани с маслом’, *коко табан'* ‘яичные табани’. Выбор слов здесь не случаен: это — типичные бабушкины гостинцы.

Почему же подарки дарит бабушка по матери (*чужанай*), а не бабушка по отцу (*песанай*, *пересанай*)? Дело в том, что с бабушкой по материнской линии дети обычно вместе не живут и встречаются с ней редко, особенно если она живёт вдали

от внуков, в соседней или более отдалённой деревне. Бабушка со стороны матери по ним сильно скучает, и дети тоже тоскуют по ней: соответственно она не приезжает к ним без гостинцев, а когда дети оказываются у неё в гостях, она потчует их такими невероятно вкусными угощениями, как хлеб со сливочным маслом, лепёшки с мёдом, угощает пирогами и лесными орехами (во времена, когда возникли удмуртские названия божьей коровки, у удмуртов ещё не было ни шоколада, ни мармелада, ни бананов и других сладостей и фруктов). После долгой дороги в гости к бабушке, на свежем воздухе эти кушанья кажутся особенно вкусными и аппетитными.

Кстати, теми же причинами объясняется появление в детских песенках с упоминанием божьей коровки разнообразных угроз, обращённых к этому насекомому. Ребятишки и в гостях любят шалить и баловаться. Бабушка их пугает, что их отшлёпает, побьёт. Но все эти угрозы оказываются утрированными по сравнению с угрозами той бабушки, которая осталась дома (бабушка по отцу) и у которой частенько слова не расходятся с делом. Под впечатлением высказанных в сердцах нарочитых бабушкиных угроз дети выдумывали для божьих коровок, отказавшихся улететь, различные страшные наказания, пугали божьих коробок своими бабушками, действиями бабушек, хорошо понимая, конечно, что бабушка не накажет этих невинных букашек, тем более что угрозы в текстах песенок-обращений встречаются нешуточные: не только не дать мёда или масла с хлебом, но и, скажем, поджечь баню, утопить в реке, отрубить голову и бросить в реку Каму и др. Например:

Зороно ке — лобзы,
 Овёл ке — эны.
Вылад-тырад посьву кисьто,
Минчодэ тылын суто.

'Быть дождю — улети,
 Если нет — не улетай.
На тебя кипяток вылью,
Баню твою сожгу' (д. Итешево, Малопургинский р-н) [УдмФолькл.: 36].

Ещё одну группу наименований божьей коровки составляют прямые заимствования: русские *бапка-коронка*, *бапка-корофка*, *бабочка-коробочка*, *божья-корофка*, *божья-коронка*, марийские *тракя* и *копшангэ* (в красноуфимском говоре; ср. мар. лит. *трай* 'божья коровка', мар. лит. *копшанге* 'жук'). Отдельные русские слова сочетаются с удмуртскими словами: *какы-баба*, *куккы-бабы*, *кыбы-бабы*.

Иногда встречаются и калькированные названия: *иммар бабайлэн скалэз* 'корова дедушки-бога', *скал бёчы* 'коровий жук', явно представляющие собой переосмысление русского названия *божья коровка*.

В названиях *тур-папа*, *тири-папи*, *зороно-кэ-турло-лоб* слова *тур*, *тири* и *турло* являются звуоподражательными словами для изображения звука при полёте божьей коровки. В словосочетаниях *тур-папа*, *тири-папи* слова *тур* и *тири* являются определениями к словам *папа* и *папи* 'букашка, жучок'. А в наименовании *зороно-кэ-турло-лоб* слово *турло* относится к *лоб*: *турло лоб* 'лети, издавая звук'. Заимствованное из марийского языка название *тракя* по происхождению

также является ономатопоэтическим словом. Не только в красноуфимском, но и в других диалектах марийского языка наименования божьей коровки звукоподражательного происхождения: *тра, трä, трай, трäкä, тракай, трäкйй* (устн. сообщ. марийского лингвиста Анатолия Куклина).

Односоставные названия *лобы, лопы, лöбы, папа, зород-а, зороно, бабу* первоначально были дву- или даже трёхсоставными и выглядели так: *лобзы-папа, лобы-папа* букв. 'полети, букашка', *зород-а-папа* букв. 'будешь ли дождить, букашка?', *зороно-киби* букв. 'букашка, которая принесёт дождь'. Из подобных словосочетаний определяемые слова *папа, киби, кибы, каки* выпали, и на их месте возникли односоставные наименования: *лобы, зород-а, зороно, зор-зор, зоротки* и некоторые другие. Использование атрибутивного слова после выпадения определяемого компонента в качестве номинативного слова можно видеть и в других случаях. Например, первоначально удмурты индюка называли *немыч атас* букв. 'немецкий петух', индейку — *немыч курег* букв. 'немецкая курица' [Соч. 1775: 28]. Со временем второй компонент *курег* выпал, и индюка начали называть просто одним словом — *немыч* [УРС 1983: 298]. С подобным явлением мы очень часто сталкиваемся в названиях травянистых растений, у которых перестают использоваться такие компоненты, как *сяська* 'цветок', *турын* 'трава', *выжы* 'корень'. Вместо *карагурт-сяська* 'василёк', *италмассяська* 'купальница', *кирень выжы* 'хрен' букв. 'корень хрена' удмурты обычно употребляют форму *карагурт, италмас, кирень*. Выпадение определяемого слова в атрибутивных словосочетаниях наблюдается во многих языках.

В качестве приложения к данной статье (с. 54–55) мы публикуем карту «Божья коровка» с легендой, подготовленную для Диалектологического атласа удмуртского языка. В легенде названия божьей коровки мы расположили от самых сложных к наиболее простым.

Примечания

1. Точных данных об этом издании нет. В сохранившемся экземпляре (находится в личном архиве автора статьи) удалены все страницы со сведениями о составителе словаря, времени и месте его издания; возможно, это объясняется тем, что составитель был репрессирован, а владелец словаря пытался обезопасить себя, избавившись от релевантных страниц книги. Некоторые соображения позволяют отнести словарь к 1935–1938 гг. Анализ словарного материала показывает, что составитель опирался в основном на данные словаря Трофима Борисова.

Литература

БиолКБ = Соколов С. В, Туганаев В. В. . Биологической нимкыльёсын кылбугор = Словарь биологических терминов / С. В. Соколов, В. В. Туганаев; Под общ. ред. С. В. Соколова; Илл. Н. Вахрушевой. Ижевск: Удмуртия, 1994. 144 с.; вкл.

Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь: Ок. 15000 слов / АН СССР. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ; Удм. отд. Всесоюзного фонда культуры. Ижевск, 1991. XXXII+384 с.

Верещагин, Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. / Г. Е. Верещагин; Под. ред. В. М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь] / Отв. За выпуск и авт. предисл., комментарии Л. М. Ившин; РАН. УрО. УИИЯЛ. Ижевск, 2006. 288 с. (Памятники культуры).

- Вопросник ОЛА = Вопросник Общеславянского лингвистического атласа / Ин-т рус. языка. М.: Наука, 1965. 271 с.
- ЛАЕ. Первый вопросник = Лингвистический атлас Европы. Первый вопросник: Онома-сиология. Основной словарный состав / АН СССР. Ин-т русск. языка. М., 1976. 68.
- ОДА. Вопросник = Общекарпатский диалектологический атлас. Вопросник. М.: Наука, 1981. 128 с.
- РУС 1956 = Русско-удмуртский словарь: Ок. 40000 слов / Сост. А. С. Белов, В. М. Вахрушев, А. П. Колесников, Н. И. Кондратьев; УдНИИ ИЯЛ. М.: ГИИНС, 1956. 1360 с.
- Соч. = Первая научная грамматика удмуртского языка / Введ. и примеч. В. И. Алатырева; УдНИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. УАССР. Ижевск: Удмуртия, 1975.
- Тепляшина, Т. И. Краткая программа-вопросник по собиранию сведений об удмуртских диалектах / Т. И. Тепляшина; АН СССР. Ин-т языкознания. М., 1966а. 96 с.
- УдмФолькл. = Удмуртский фольклор: Песенки, потешки, считалки, дразнилки / Сост. Л. Н. Долганова; УдНИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. УАССР. Ижевск: Удмуртия, 1981. 132 с.
- УРС = Удмуртско-русский словарь <название условное, см. примечание 1>. 302 с.
- УРС 1948 = Удмуртско-русский словарь: Ок. 15000 слов / В. М. Вахрушев, К. А. Корепанова, Е. Н. Ложкина и др.; НИИ ист., языка, лит. и фольклора при Сов. Мин. УАССР. М.: ГИС, 1948. 447 с.
- УРС 1983 = Удмуртско-русский словарь: Ок. 35000 слов / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; Под ред. В. М. Вахрушева; НИИ при Сов. Мин. УАССР. М.: Рус. яз., 1983. 592 с.
- Munk. = *Munkácsi B. A votják nyelv szótára.* Budapest, 1880–1896. XVI + 836 l.; 2-е изд.: Pécs, 1990.
- Wichm. = *Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. LSFU XXI.* Helsinki, 1987. XXIII + 422 S.